

А.И. Журавлева, Г.В. Зыкова

Философская лирика

1820-е годы в русской культуре отмечены повышенным интересом к философии, который особенно усиливается и начинает привлекать общественный интерес, выходя за рамки узких кружков. Хотя этот интерес во многом объяснялся обстоятельствами русской истории, но при этом Россия оказалась здесь вполне в русле общеевропейских культурных процессов. Конец XVIII—XIX в. — эпоха расцвета немецкой классической философии, оказавшей огромное влияние на дальнейшие судьбы европейской цивилизации. В 1820-е годы в России начинает формироваться та поэзия, которая получила название философской. Она характеризуется не просто вниманием к бытийным, общечеловеческим проблемам (что всегда важно для литературы и присуще, например, поздней лирике Пушкина), но стремлением к художественному воплощению собственно научных философских идей, иногда даже прямо определенных систем.

За Тютчевым в русской культуре закрепилась репутация поэта-философа, потому что ему, может быть, лучше, чем кому-нибудь другому, удалось выразить лирическое переживание философских идей.

Многие самые известные философские стихотворения Тютчева написаны в конце 1820-х — 1830-х («Летний вечер», «Видение», «Бессонница», «Как океан объемлет шар земной...»), «Цицерон», «Silentium!», «Mal'aria» и другие), а большинство самых известных стихотворений о любви — позже (с 1840-х). Но жесткая тематическая классификация лирики Тютчева едва ли возможна, потому что все традиционные, так называемые «вечные» лирические темы, прежде всего темы любви и природы, у Тютчева приобретают философский смысл.

Лирика Тютчева особенно ясно показывает нам, что происходит с философскими понятиями и тезисами, когда они попадают в поэтический мир большого художника.

Хорошо известно и документально засвидетельствовано, что Тютчев очень сочувственно относился к философии Шеллинга (с которым лично общался в Германии). Суть этой философской системы, имевшей много приверженцев в России начиная с 1820-х, была в том, что внутренний мир человека и материальный мир природы подобны друг другу, человек родственно связан с мирозданием. Это учение по самой своей сути было утешительным и поэтичным, утверждая принципиальную познаваемость мира. К тому же в этом познании приоритет отдавался искусству как форме интуитивного постижения мира.

В поэзии Тютчева есть сквозные мотивы и образы, имеющие символический характер и постоянно возвращающие читателя к некоторым философским проблемам. Например, очень важны образы Ночи и Дня. Как всякие настоящие символы, они поддаются лишь приблизительному истолкованию. Противостояние темного и светлого в поэзии Тютчева нельзя понимать как противостояние зла и добра. Речь идет, скорее, о рациональном, логическом, постижимом, подконтрольном нашей воле и рассудку (дневное начало в жизни и в человеке) — и таинственном, непостижимом, связывающем человека с космическим началом, которое полностью находится вне его воли. Ночной мир страшен и одновременно притягателен для героя Тютчева, потому что человек боится исчезнуть в нем, раствориться полностью:

О, страшных песен сих не пой
Про древний хаос, про родимый!
Как жадно мир души ночной
Внимает повести любимой!

Из смертной рвется он груди,
Он с беспредельным жаждет слиться!..
О, бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!..

(«О чем ты воешь, ветер ночной...»)

Обратим внимание на как бы противоречащие друг другу слова: «страшные» — «родимый», «не буди» — «жаждет». «Древний Хаос» (как, впрочем, и Космос)¹ не только вне человека, но, что важнее, — и в нем самом. В тютчевском мире «убийственно мы любим»: в сфере чувства Хаос преобразуется в «буйную слепоту страстей», над которыми человек не властен.

В стихотворении «Silentium!» поэт уподобляет человеческую душу миру, Вселенной. Там, внутри, свое небо и свои звезды, которые «встают и заходят». При описании этой душевной Вселенной Тютчев пользуется теми же красками и образами, которые столь характерны для его философских стихов о природе, о мире «внешнем»: противостояние дня и ночи, мрака и света, звездный небосвод и особенно любимые переходные мгновения — восход, утро, вечер. Но в «Silentium!» все эти образы не столько присутствуют в тексте, сколько просвечивают в его глубине. За скупой отобранным единственным словом тянется длинная цепь ассоциаций, вырастающих из контекста всей тютчевской лирики — и современной стихотворению, и более поздней. Уже был «Летний вечер», «Видение», «Бессонница», «Еще шумел веселый день...», «Как океан объемлет шар земной...». И еще откликнутся, отзовутся эти образы в «Последней любви», где, как и в «Silentium!», опять душа будет уподоблена миру, Вселенной, и снова явятся характерные тютчевские ритмические переходы:

Полнеба охватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье, —
Помедли, помедли, вечерний день...

Конечно, природа и человек всегда сравниваются в поэзии, в том числе в фольклоре (так называемый «психологический параллелизм»). Но обычно при этом именно природа очеловечивается, у Тютчева же часто бывает наоборот.

В лирике философские понятия теряют терминологическую определенность. Мы в самом общем виде описали значение символов Дня и Ночи у Тютчева, но в отдельных стихотворениях оно может существенно уточняться и даже изменяться в зависимости от конкретного контекста. Если философия в собственном смысле слова представляет собой именно систему, стремящуюся к непротиворечивости рассуждения и к терминологической определенности понятий, то в лирике Тютчева мы можем встретить стихотворения со взаимоисключающим смыслом. Вот, например, два известнейших стихотворения:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

(«Не то, что мните вы, природа...»)

И, с другой стороны:

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

(«Природа — сфинкс...»)

Философия представляет собой предельное обобщение умственного и жизненного опыта, в то время как лирика запечатлевает мгновенное эмоциональное переживание,

¹ Еще с античных времен Хаос обозначал стихийные силы мироздания, а Космос — его упорядоченность.

в том числе и философской идеи. Тютчева, видимо, всегда занимали определенные бытийные проблемы, но их разрешение могло быть разным в разные моменты его жизни. Именно потому, что лирика — это индивидуальное переживание, для поэта оказалось возможным по-своему пережить систему Шеллинга (в целом, бесспорно, оптимистическую), окрасить ее в трагические тона.